

Содержание

ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ	7
ВРЕМЯ ТРЕВОГ. Сценарий	9
<i>Из дневников. 25 АВГУСТА 1974 ГОДА</i>	56
ЗАЯЦ ДОЛЖЕН БЫТЬ СЕРЫМ	63
<i>Из дневников. 20 МАРТА 1975 ГОДА</i>	78
<i>Из дневников. 21 СЕНТЯБРЯ 1976 ГОДА</i>	79
<i>Из дневников. 30 ДЕКАБРЯ 1975 ГОДА</i>	82
<i>Из дневников. 6 ЯНВАРЯ 1977 ГОДА</i>	85
ИЗ ГЛУБИНЫ. Заметки о живописи Бориса Заборова	87
<i>Из дневников. 30 НОЯБРЯ 1980 ГОДА</i>	94
<i>Из дневников. 9 СЕНТЯБРЯ 1976 ГОДА</i>	101
<i>Из дневников. 19 СЕНТЯБРЯ 1976 ГОДА</i>	105
<i>Из дневников. 10 НОЯБРЯ 1976 ГОДА</i>	107
<i>Из дневников. 12 НОЯБРЯ 1976 ГОДА</i>	109
ЗА НАС С ВАМИ. Сценарий	113
<i>Из дневников. 17 АПРЕЛЯ 1987 ГОДА</i>	208
ОТЕЦ	211
<i>Из дневников. 16 ИЮЛЯ 1981 ГОДА</i>	217
<i>Из дневников. 29 НОЯБРЯ 1975 ГОДА</i>	219

СВЕТ ВЫБОРГА	223
<i>Из дневников. 18 января 1977 года</i>	232
<i>Из дневников. 17 июля 1981 года</i>	234
<i>Из дневников. 21 ноября 1981 года</i>	237
ПРЯМАЯ РЕЧЬ. <i>Заметки о поэзии Александра Кушнера</i>	239
ФРАНЦУЗ. <i>Сценарий</i>	257
Жорж Нива. <i>Француз в России сто двадцать лет спустя после</i> <i>маркиза де Кюстина. Перевод Екатерины Белавиной</i>	345

ПРОЩАНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

Прощай, читатель! Это моя последняя книжка — плоды работы минувших 10–12 лет, три сценария, два из которых успели стать фильмами, а третий, которым книжка открывается, боюсь, уже не станет (хотя руки по-прежнему чешутся), несколько важных для меня статей и, задающие тон всему изданию, отрывки из дневников, которыми я рискнул поделиться. Работа, если даст Бог, может, еще и случится, но книжек больше не будет — не тот возраст.

Да существует ли он — читатель, к которому ты обращаешься, особенный, твой читатель? Вопрос спорный, особенно если учесть, что книжка-сборник — всего вторая, если не считать опубликованных сценариев. Полвека тому назад, после семи режиссерских работ (трех — вдвоем с Борисом Яшиным и четырех самостоятельных) мне надоела толкотня с цензурой, то бишь с начальством, в которой я неизменно проигрывал. Я бросил специальность, которой меня учили во ВГИКе (как потом окажется, на тридцать с лишним лет). И твердо решил стать писателем, хотя бы профессионалом-сценаристом, стал учиться писать по-настоящему — заставил себя писать каждый день хотя бы по несколько страниц. Задумывался ли я тогда о читателе? Разумеется, нет. И все равно, коли ты сел писать, какой-то, пусть смутный, неосознанный образ читателя у тебя в подкорке торчит. Какой же? Скорей всего, такой же угрюмый субъект, как сам автор, совок, вылепленный

советской школой и пионерской дружиной, непременно такой же семейный, с женой и детьми, и потому вечно озабоченный проблемой — как заработать на хлеб для них без воровства и проституции, и в результате — пессимист, потенциальный диссидент и антисоветчик... Таков ли он на самом деле? Не имею понятия.

Потом, когда я стал опять снимать кино и вышла книжка “Лопухи и лебеда”, возобновились встречи со зрителями, и я получал из зала вопросы о ней, а иногда подходили люди с просьбой ее надписать. А изредка приходили письма — редко, но тем драгоценнее — от того, кто видел фильм и прочел книжку. Значит, есть у меня свой читатель? Он существует, я его видел, говорил с ним. Каков он? По-прежнему понятия не имею.

Но хочу на прощание сказать всем этим добрым людям спасибо и пожелать здоровья и удачи.

Андрей Смирнов

ВРЕМЯ ТРЕВОГ

Сценарий

В городском Дворце пионеров в Москве проходит всесоюзный слет. Здесь толпы детей от девятилетних до подростков, все в белых рубашках и красных галстуках, все толкаются и шумят. На лестнице тринадцатилетний Алеша Кутин пробивается в зал. Вдруг музыка смолкает.

На сцене звучат фанфары. Под грохот барабанов выходит пионерский отряд со знаменем. Старшая пионервожатая кричит в микрофон:

— К борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!

И зал дружно рывкает в ответ:

— Всегда готов!

Алеша чувствует себя растерянным. Все, что он видит вокруг, настолько прекрасно, так неожиданно. Тут еще грянул ансамбль Локтева:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы — пионеры,
Дети рабочих...

Зал увлеченно поет:

...Близится эра
Светлых годов.

Клич пионера
“Всегда будь готов!”...

Алеша не выдержал и упал в обморок прямо в зале, его еще и вырвало. К нему пробивается одна из пионервожатых и рабочих. Они его поднимают и уносят...

Тридцатилетний Алексей просыпается и резко садится в кровати. Некоторое время он сидит неподвижно, глядя в одну точку. За окном прозрачный летний рассвет. Он встает, надевает брюки.

Лезет в шкаф, вытаскивает пакет кофе, там пусто.

На крохотной кухне хозяйка квартиры Петровна варит щи, рубит капусту. Ее племянник Василий, крепкий мужик в трусах, в углу пьет пиво. Алексей наливает воды в турку:

— Петровна, не займете пару ложек кофею?

— Дак мы ж его не пьем, не держим мы кофею... Ой, Леш, мне бы денежки за нонешний месяц прям сѣдни, позарез...

— Пустой я, зарплата только в четверг...

— До четверга никак...

— Ну... займу где-нибудь... — бормочет он.

— У меня тама какава оставалася, — говорит Василий. — Хошь, бери пару ложек...

В комнате холостяцкий беспорядок, постель не убрана, горы книг и бумаг на столе и подоконнике. Он стоит у окна, смотрит на бульвар, жадно пьет какао и курит.

Академик Рошин, научный руководитель Алексея, вытаскивает из кипы бумаг его машинописную рукопись:

— В целом — недурно, я скорей доволен... Тема диссертации вас увлекла, чувствуется, что вам интересно... Это обеспечивает некоторый уровень фундаментальности... Чаадаев-то откуда взялся? Он же не славянофил...

— Он настолько с ними связан... — нервно оправдывается Алексей. — И с Хомяковым, и с Аксаковым... Когда Аксаков надел армяк и ермолку, чтобы выглядеть как мужик, это же Чаадаев сказал, что народ принял его за персиянина...

— Вы помните, что я говорил об опасности темы? Мы рискуем, не забывайте! Славянофилы были подозрительны царскому правительству, но точно так же подозрительны они советской власти. Они прежде всего — православные, дворяне-помещики во-вторых и националисты в-третьих! А у вас в последнем варианте портрет Хомякова — просто какой-то восторженный панегирик...

Алексей угрюмо усмехается:

— Я нашел классную книжку Бердяева о Хомякове...

— А, вот где собака зарыта...

— Превосходный портрет Хомякова, да и Киреевского тоже... Бердяев вообще считает, что первая попытка национальной философии в России — это славянофилы. Что первый лишний человек у нас — Чаадаев... По сути, это первое фундаментальное исследование славянофилов... Книжка двенадцатого года...

— А сейчас на дворе — шестьдесят восьмой... — хмуро тянет академик, встает, подходит к окну и смотрит на улицу. — Вот что я вам скажу, дорогой Алексей, не помню, как вас там по батюшке... Если вы собираетесь использовать Бердяева, лавочку мы закроем немедленно, прямо сейчас. Никакой диссертации не будет. И не ставьте меня в дурацкое положение!..

Он оборачивается к перепуганному Алексею. Лицо его побагровело, глаза блестят.

— Вы полагаете, что у парткома не хватит культуры установить источник цитат? Тельпугов недаром секретарь парткома! Он из вас посмешище сделает, а заодно и из меня. Уж как-нибудь с Бердяевым он разберется... Я вас предупреждал!

— Но ведь славянофилы все-таки первые объявили, что на русскую нацию самим Богом возложена особая миссия... — лепечет Алексей. — Этого у них никто не отнимет...

Рощин возвращается к столу и протягивает рукопись Алексею:

— Либо вы забираете рукопись и полностью избавляетесь от следов Бердяева, либо защиты не будет... Вопросы есть?

— Нет... — Алексей встает.

— Настоящий марксистский анализ — вот чего не хватает сегодня вашему тексту...

Рощин открывает шкаф, достает бутылку коньяку, наливает. Уютно усаживается в кресло и с наслаждением пьет.

— Надеюсь, вам известно, что Бердяева выслали на пароходе в двадцать втором году и он до смерти оставался одним из активных противников большевизма. В конце концов, вы же не ребенок... А вот марксистский анализ, я думаю, славянофилам только пойдет на пользу...

— Егор Алексеич, извините, ради бога... — мнется Алексей. — Нельзя ли у вас занять четвертной? До зарплаты...

Рощин с благодушным видом достает бумажник:

— Я, вообще-то, в долг не беру и не даю... Ладно, для вас сделаю исключение...

На кухне у родителей мать стоит у плиты, отец ест кашу и читает “Литературную газету”.

— Обедать будешь?

— Не, мам, дела...

— А овсянки не хочешь? Только сварила...

— Твоей? С наслаждением!

Алексей садится за стол, Елена Михайловна ставит перед ним кашу, кладет масло:

— Отцу нужно для желудка. Только размешай...

— Новости из Праги ловим?

— Откуда щас новости? — говорит Федор Николаевич, откладывая газету. — Вестимо, из Праги... Следишь?

— Я больше по “Немецкой волне” и “Голосу”...

— Врагов слушаешь?

— Их, родимых... “Спидола” все-таки понадежней твоей “Литературки”.

— Как твои дела?

— Вроде все нормально... Если ничего не случится, в сентябре защита.

— Всё славянофилы? Неужели не скучно?

— Ни хрена мы не знаем своей истории. Я не ожидал... Оказалось — такие люди! Один мужик интересней другого... Хомяков, Самарин... — Алексей отодвигает пустую тарелку. — Мам, спасибо, вкусно, как всегда... Слушай, мне тут такая муть приснилась! Ты слет во Дворце пионеров помнишь? Это какой же год?

— Пятьдесят первый, наверное. — Мать закуривает и садится. — Еще бы не помнить! Такие страсти...

— Какие?

— Звонят из Дворца пионеров и сообщают: “Ваш ребенок лежит без сознания”! Я, пока доехала, чуть ума не решилась...

— Я же ничего не помню! Толпа в красных галстуках, ну запели... и всё! Еще помню, что домой мы ехали на такси...

— Да, такси в то время мы не могли себе позволить... Я приехала, ты уже пришел в себя... Лежишь белый как стенка. Врачиха сидит рядом... такая противная! “Что случилось?” — спрашиваю. А она мне — с осуждением! — “Ваш парень слишком впечатлительный!”. Я, значит, недоглядела... Ну, и про твой порок сердца я в первый раз услышала...

— Слишком впечатлительный? Это же значит — мудака... — невесело размышляет Алексей. — Батя, я забыл, я за книжкой... Мне Достоевский нужен для работы, на пару дней. “Дневник писателя”, не то семьдесят шестой, не то седьмой год...

— Очень неприятно! — морщится отец. — Это же Томашевского издание, по нынешним временам — невероятная редкость. Выносить любой том из дому — опасно! Его же сто лет не издавали, Федор Михайловича, и когда еще издадут... Бери — только аккуратно...

Алексей встает, разворачивает сложенную газету, проглядывает заголовки:

— Тебе Дубчек нравится?

— Толковый парень, безусловно, — соглашается Федор Николаевич. — Установки его мне, конечно, близки... Мне кажется, ему не хватает осторожности... У него нет опыта провалов.

— Все равно кончится танками. — Алексей откладывает газету.

— Что ты несешь! — машет рукой мать.

— Ты все-таки придурок... — вздыхает отец. — Ты не понимаешь очевидных вещей. Сейчас не пятьдесят шестой год, ситуация совсем другая, чем была с Венгрией. Другие отношения с Западом, более продвинутые...

— Дай бог, чтобы прав оказался ты...

В кабинете отца Алексей, стоя на стремянке у книжных шкафов, вытаскивает из собрания том Достоевского и изучает оглавление.

В Историческом музее Алексей с фотоаппаратом на груди шарит взглядом по стенам тридцатого зала, обращается к дежурной:

— Куда портрет Чаадаева делся? Вроде тут висел...

— В соседнем зале...

Он заходит в следующий зал и обнаруживает портрет Чаадаева на входе. Некоторое время он топчется, разглядывая его вплотную, отходит на несколько шагов, фотографирует.

Народу в музее немало — экскурсии школьников, парочки пожилые и помоложе. Вот перед Алексеем, ближе к портрету останавливаются две девушки — Настя и ее подруга Карина.

— Этот самый портрет, — объявляет Настя. — Очень отличный художник. Итальянец Козимо.

— Какой эффектный мужик, — качает головой Карина.

— От него бабы тащились, — подтверждает Настя. — Хотя громких романов мы не знаем. Ни разу не женат... Он во-

обще был пижон. Одевался по часу, выбирал сорочку... Пишут, что даже те, кто его терпеть не мог, при нем затыкались, боясь сморозить глупость...

Настя оглядывается и замечает взгляд Алексея, который к ней прислушивается.

— А он не голубой? — с опаской спрашивает Карина.

— Следов нет. Похоже, у него были проблемы с потенцией... Между прочим, Пушкин был еще пацан, а ему уже грозила ссылка в Сибирь, и достоверно известно, что Чаадаев по собственной инициативе пришел к Карамзину и убедил его вступить за Александр Сергеича... В результате он вместо Сибири поехал в Кишинев, что все-таки намного теплее...

Она оглядывается и опять натывается на взгляд Алексея.

— И откуда же вы все знаете про Чаадаева? — с улыбкой спрашивает он.

— Знаю... — Она улыбается в ответ.

Он подходит ближе:

— У девушек это редкость. Девушки редко знают что-нибудь толком...

— Почему это? — оскорбилась Настя. — Это мужики воображают! У меня диплом был "Пушкин и Чаадаев", я этот портрет наизусть знаю!..

— Филфак?

— Он самый...

Они пьют кофе в кафе. Карина появляется из коридора и садится за стол:

— Мне придется вас бросить. Сережку на работе задержали, он требует, чтобы я съездила за Валеркой... Дайте я хоть кофе допью...

Она целуется с Настей и уходит. Алексей останавливает официантку:

— Сто грамм коньяку и две рюмки...

— Мы будем пить коньяк? — с ухмылкой интересуется Настя.

— Ваша подруга покинула нас, как чуяла...

— Почему?

— Я собираюсь за вами ухаживать, — хмуро сообщает Алексей. — Вы мне нравитесь.

— Ну, что ж...

Он разливает принесенный коньяк и поднимает бокал:

— За легкомыслие, которое нас объединяет...

Они чокаются и пьют.

— Между прочим, — говорит Настя с иронией, — меня сроду никто не считал легкомысленной. А в университете я вообще проходила как “синий чулок”.

— Это с вашей мордочкой — синий чулок?.. — усмехается Алексей. — Видно, крутые у вас были ребята... Вы мне лучше скажите: вы корреспонденткой Чаадаева занимались? Которой адресованы “Философические письма”? И что она из себя представляет?

— Московская барыня из хорошей семьи. Панова Екатерина Дмитриевна, насколько помню... Она, бедняга, умерла в сумасшедшем доме. Но отношения с ним прервались гораздо раньше. Письмо, на которое он отвечает, опубликовано, хоть убей, не помню где...

— И что за документ?

— Как вам сказать... — Настя задумывается. — Полно чувств! Бурное женское письмо... По нему понятно, что уже в двадцать девятом году у нее серьезные психические проблемы... Практически законченная психопатка...

— Вот это и есть тот самый дом Левашёвой... — говорит Настя.

Они с Алексеем стоят на Новой Басманной.

— Вроде бы флигель, в котором жил Чаадаев, утрачен, его снесли... Сюда, в эту усадьбу, он перебрался в начале тридцатых и жил тут до самой смерти. Тут и помер в пятьдесят шестом...

— Могила вроде на Донском, — замечает Алексей.

— Отсюда и пёрли на Донское...

— Обыск здесь был?

— А где же! — оживляется Настя. — “Философическое письмо” опубликовано в “Телескопе” в конце сентября, а уже двадцать второго октября — меньше чем через месяц! — резолюция императора...

— “Прочитав статью... — с ухмылкой цитирует Алексей, — нахожу, что содержание оной — смесь дерзкой бессмыслицы, достойной умалишенного”...

— ...И уже через шесть дней, двадцать восьмого октября, сюда нагрянули жандармы, перевернули весь дом, забрали бумаги и рукописи, запретили писать и выходить на улицу, объявили сумасшедшим и приставили врачей...

— Почерк родной власти... Да, он с тех пор не поменялся.

— По легенде, первый же доктор, который смотрел Чаадаева, сказал: “Если б не моя семья, жена да шестеро детей, я б им показал, кто на самом деле сумасшедший”...

Они идут вверх по Басманной к метро.

— Замужем? — интересуется Алексей.

— Конечно...

— Почему “конечно”?

— Потому что нормальной девушке в моем возрасте полагается быть замужем...

Алексей останавливается, закуривает.

— Я так не думаю... — говорит он угрюмо. — Дети есть?

— Слава богу, нет... А у вас?

— Дочке девять лет... А почему “слава богу”?

— Потому что роман давно потух...

Алексей опять останавливается и недоуменно смотрит на Настю:

— Зачем же вы с ним живете?

— А что я, по-вашему, должна делать? — с раздражением спрашивает Настя.

— Рвать, разумеется!

Они идут дальше.

— Этого я не понимаю, — бормочет он. — У меня роман потух — я тут же ушел...

— Какой скорый... — угрюмо говорит Настя. — Ладно... До свидания!

Она сворачивает с тротуара и переходит улицу. Он ловит ее за локоть посередине мостовой:

— Зачем же вы уходите? У нас только стал складываться нормальный разговор!

— Какой с вами может быть разговор! — рывкает Настя.

Им сигналият машины, он тянет ее к тротуару:

— Я вас прошу, не уходите!..

Алексей работает за машинкой. Босой, в брюках и майке, вытаскивает из кипы книг, наваленных на столе, журнал "Русская беседа", находит нужную цитату, перепечатывает. В комнате привычный беспорядок, неубранная постель.

На кухне Петровна раскатывает тесто и разговаривает с молодым человеком в галстуке с портфелем. Появляется Алексей, берет турку, наливает воду, засыпает кофе, ставит на огонь.

— ...С ним все нормально, с жильцом вашим, — сообщает молодой человек.

— Дак не жилец он, Васька, а племянник родной, — объясняет Петровна. — Сестры покойницы сынок...

— Разобрался я с ним... А вас когда ждать?

— В воскресенье? Агитпункт в школе?

— Как всегда...

— Мы с утра пораньше явимся, — благодушно объявляет Петровна. — Мы откладывать не любим.

— И правильно! — подхватывает молодой человек. — Проголосовал — и весь день свободен... Извините, — обращается он к Алексею, — а вы здесь прописаны или в другом месте?

— Вам какое дело? — бурчит Алексей.